

2011 № 633

СОДЕРЖАНИЕ

- 319-326 Сезонное распределение бакланов-первогодков *Phalacrocorax carbo sinensis* из гнездовых колоний российской части Финского залива (по данным кольцевания).
А. Р. ГАГИНСКАЯ, А. Л. РЫЧКОВА
- 327-334 Малый перепелятник *Accipiter gularis* в Новосибирской области: в природе и зоологических коллекциях.
В. С. ЖУКОВ, Н. Н. БАЛАЦКИЙ
- 335-337 О поведении среднего кроншнепа *Numenius phaeopus* в Северном Прикаспии в период весенней миграции.
Ф. Ф. КАРПОВ
- 337-340 Устройство для быстрого осмотра птичьих гнёзд.
М. С. ГАЛИШЕВА
- 340-341 О пролёте пуночки *Plectrophenax nivalis* и лапландского подорожника *Calcarius lapponicus* в Архангельске и его пригородной зоне. В. А. АНДРЕЕВ
- 342-343 Кукушки *Cuculus canorus* и *C. saturatus* и их хозяева на Западно-Сибирской равнине. С. С. МОСКВИТИН
-

Редактор и издатель А. В. Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XX
Express-issue

2011 № 633

CONTENTS

- 319-326 Seasonal distribution of the great cormorant
Phalacrocorax carbo sinensis from breeding colonies
of the Russian part of the Gulf of Finland
(according to ringing data).
A. R. GAGINSKAYA, A. L. RYCHKOVA
- 327-334 The Japanese sparrowhawk *Accipiter gularis*
in the Novosibirsk Oblast: in nature and in zoological
collections. V. S. ZHUKOV, N. N. BALATSKY
- 335-337 On behaviour of the whimbrel *Numenius phaeopus*
during spring migration period in northern Caspian
region. F. F. KARPOV
- 337-340 Device for rapid examination of birds' nests.
M. S. GALISHEVA
- 340-342 On passage of the snow bunting *Plectrophenax nivalis*
and Lapland longspur *Calcarius lapponicus*
in Archangelsk and its suburbs. V. A. ANDREEV
- 342-343 The Eurasian *Cuculus canorus* and oriental *C. saturatus*
cuckoos and their hosts in the West Siberian Plain.
S. S. MOSKVITIN
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Сезонное распределение бакланов-первогодков *Phalacrocorax carbo sinensis* из гнездовых колоний российской части Финского залива (по данным кольцевания)

А.Р.Гагинская, А.Л.Рычкова

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 15 февраля 2011

Большой баклан *Phalacrocorax carbo sinensis* (Blumenbach, 1798) появился в российской части Балтийского моря около 25 лет тому назад, распространившись на восток из западных районов Прибалтики (Гагинская 1995; Коузов 2007). В настоящее время он гнездится на островах в центральной и южной частях Финского залива. Численность популяции увеличивается год от года. Существовавшие ранее колонии на островах архипелага Большой Фискар, Долгого и Кургальского рифов расширяются. Колонизируются новые острова. В 2006 году обнаружена колония на острове Северный Виргин (120 гнёзд). Наиболее яркий пример распространения гнездовой баклана – островки вокруг острова Сескар. В 1995 году здесь было найдено лишь несколько гнёзд молодых бакланов на острове Чайкин. В 2009 году на острове Чайкин уже была колония в 1500 пар, на соседнем острове Куров – 400, на острове Лодочный – 30. А ещё около 100 гнёзд обнаружено на маленьких безымянных островках мелководья. По последним данным, гнездовые поселения бакланов найдены на внутренних водоёмах Карелии и Псковской области (Фетисов 2007).

По нашим оценкам, в российской части Финского залива гнездится около 5 тыс. пар больших бакланов. В период размножения в районе колоний отмечается ещё примерно столько же неполовозрелых негнездящихся особей. Таким образом, в первой половине лета численность бакланов может быть оценена в 20 тыс. Во второй половине лета она возрастает примерно до 50 тыс. за счёт вылетевших молодых. Никаких мероприятий по регуляции численности бакланов в Ленинградской области не проводится.

Усилиями лаборатории экологии и охраны птиц биолого-почвенного факультета Санкт-Петербургского университета в 1995-2009 годах было окольцовано 6245 гнездовых птенцов баклана (табл. 1). Получены сведения о 244 повторных находках окольцованных птиц или колец (в среднем 3.9%). В течение первого года жизни найдено 78.4%

Таблица 1. Место и сроки кольцевания птенцов большого баклана
 Table 1. Ringing of cormorants (location of colonies and ringing dates)
 in the eastern part of the Gulf of Finland

Место кольцевания	Сроки кольцевания	Число окольцованных птенцов
Большой Фискар	30 июня 1994	1000
Большой Фискар, Долгий Риф	22 июня 1995	2025
Архипелаг Большой Фискар, Долгий Риф и Северный Виргин	18-19 июня 2006	3000
Остров Чайкин (Сескар)	Июнь 2007 и 2008	150
Кургальский полуостров	Июнь 2009	70

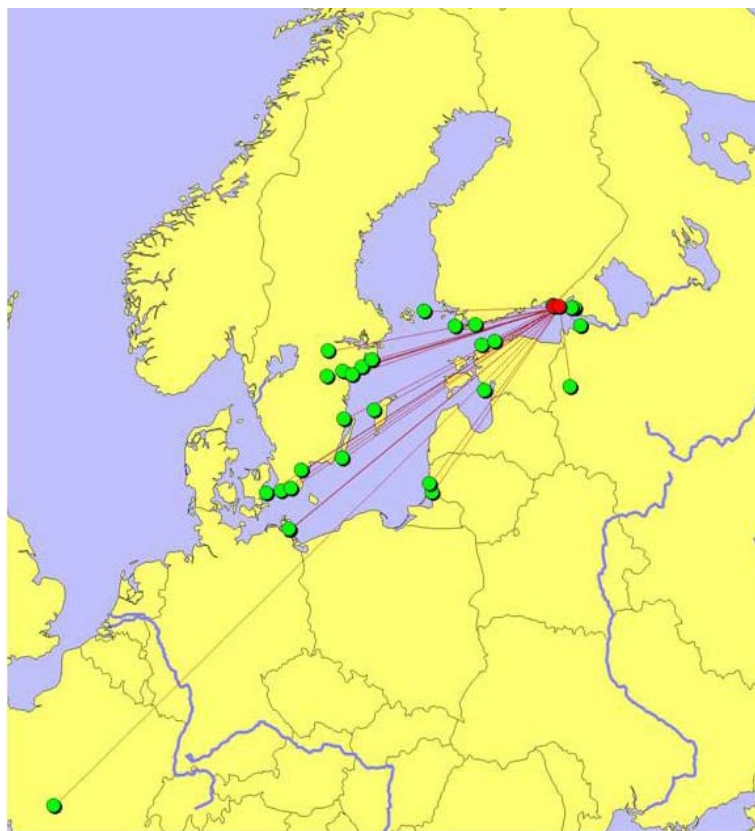

Рис. 1 Направление и дальность послегнездовых перемещений молодых бакланов (15 июля – 15 сентября).

окольцованных особей, на 2-м – 13.5%, на 3-м – 2.4%; на 4-5-м – 1.9%; на 5-10-м – 3.8%.

Данные кольцевания показали, что на первом году жизни у молодых бакланов наблюдается три периода миграционной активности. Первый, послегнездовой, начинается сразу после перехода к самостоятельной жизни, в возрасте около 2 месяцев. В результате этих перемещений молодые бакланы, как правило, покидают гнездовые колонии и оседают в более кормных местах (рис. 1).

Уход молодых бакланов из гнездовых колоний на Финском заливе начинается с самых последних чисел июля – начала августа. Уже с середины августа молодых птиц можно увидеть на Ладожском и Онежском озёрах. Судя по находкам окольцованных на гнёздах птенцов, дальность послегнездовых перемещений достигает 600-700 км (табл. 2). Средняя скорость послегнездовых перемещений составляет в августе 5.25 км/сут (от 0.32 до 17.6 км/сут).

Таблица 2. Данные находок окольцованных птенцов большого баклана
Table 2. Distribution of recoveries of ringed cormorants
in different periods of their first year

Место находки	Число находок птиц в течение первого года жизни ($n = 168$)					
	Послегнездовые перемещения (август)	Осенняя миграция			Зимовка (декабрь – начало марта)	Весенняя миграция (начало марта – апрель)
		Начало (сентябрь)	Середина (октябрь)	Конец (ноябрь)		
Россия	6	1	—	—	—	—
Финляндия	5	3	2	—	3	1
Эстония	4	3	—	—	—	—
Латвия	—	2	2	—	—	—
Литва	—	2	5	—	—	2
Швеция	5	14	4	5	6	3
Дания	1	1	13	1	1	—
Норвегия	—	—	—	1	—	—
Польша	1	—	8	4	4	—
Англия	—	—	1	—	—	—
Германия	1	1	4	7	2	1
Бельгия	—	—	—	—	—	1
Швейцария	—	—	1	1	3	—
Чехия	—	—	4	1	1	1
Австрия	—	—	—	—	2	—
Хорватия	—	—	1	—	1	—
Франция	—	1	2	2	7	1
Италия	—	—	1	1	—	—
Венгрия	—	—	—	—	1	1
Испания	—	—	1	—	—	—
Греция	—	—	—	1	—	—
Тунис	—	—	—	—	—	1
Либерия	—	—	—	—	1	—
Всего	23	28	49	24	32	12

После частичной замены оперения у молодых птиц наблюдается второй этап миграционной активности – осенняя миграция, которая может сильно варьировать по срокам в зависимости от кормовых и погодных условий, начала ледостава. Осенние миграции в сентябре приобретают чётко выраженную западную направленность. В это время

бакланы ещё могут быть встречены на российской акватории вблизи гнездовых колоний, но большинство возвратов получены из Финляндии, Эстонии, Литвы и больше всего – из Швеции. Единичные особи достигают в этот период Германии и Франции (рис. 2). В октябре окольцованных бакланов находили на морских побережьях и на внутренних водоёмах Западной Европы. Основные места находок относятся к территории прибрежных государств: Дании ($n = 13$), Польши (8), Швеции (4), но наши молодые бакланы встречаются также в Германии, Франции и Испании. Самые восточные точки находок окольцованных бакланов в период миграций находятся в Швейцарии и Чехии. С конца октября бакланы почти полностью исчезают из гнездовой части ареала. Средняя скорость передвижений бакланов в сентябре-октябре составляет 9.34 км/сут (от 3.7 до 27.1 км/сут).

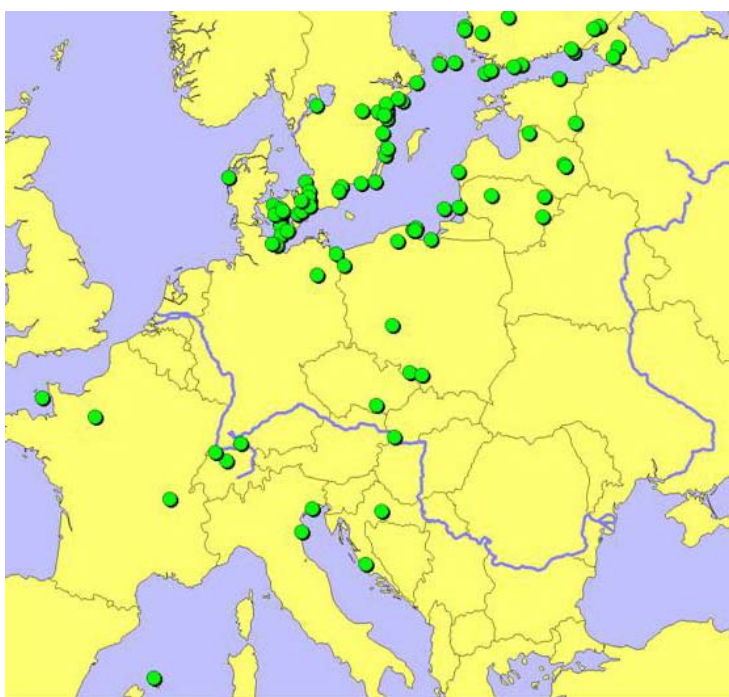

Рис. 2. Распределение находок окольцованных молодых бакланов в период осенних миграций (15 сентября – 15 ноября).

В ноябре большинство молодых больших бакланов достигает районов зимовки (рис. 3). В это время данные об окольцованных на Финском заливе птицах получены из Швеции ($n = 5$), Польши (4) и Германии (7). Интересен факт зимовки баклана на прудах в Австрии. Сведения о его пребывании на одном и том же месте получены от наблюдателя, который мог читать номер кольца. Эту птицу наблюдали регулярно с начала февраля в течение месяца. Последний раз он был отмечен 9 апреля, после чего улетел. Отдельные особи могут зимовать и значительно южнее, достигая Испании, Греции и даже северного побережья Африки (3260 км от места рождения), о чём свидетельствует февральская находка в Либерии окольцованного нами баклана.

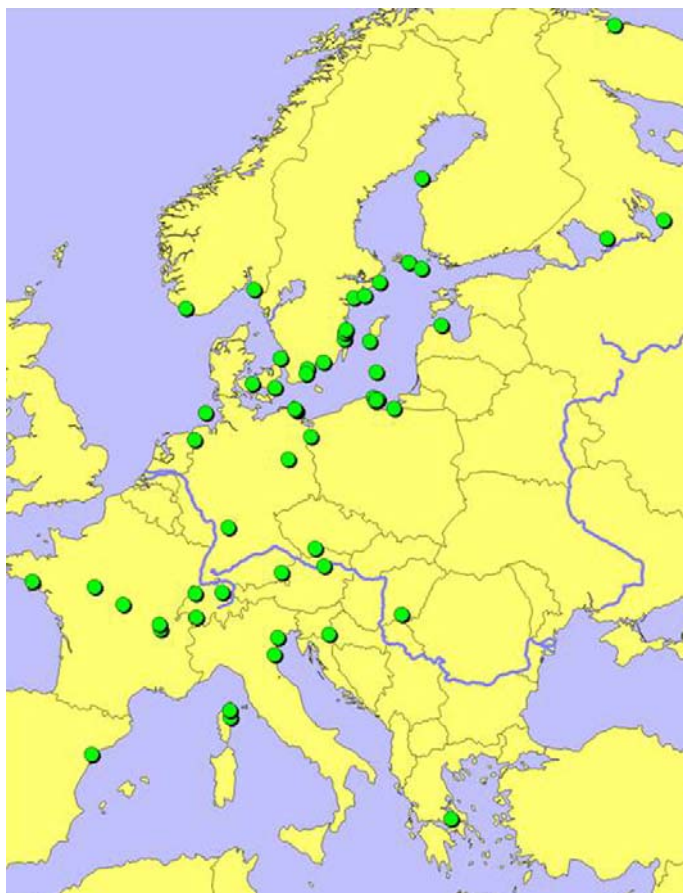

Рис. 3. Распределение находок окольцованных молодых бакланов в период зимовки (20 ноября – 20 февраля)

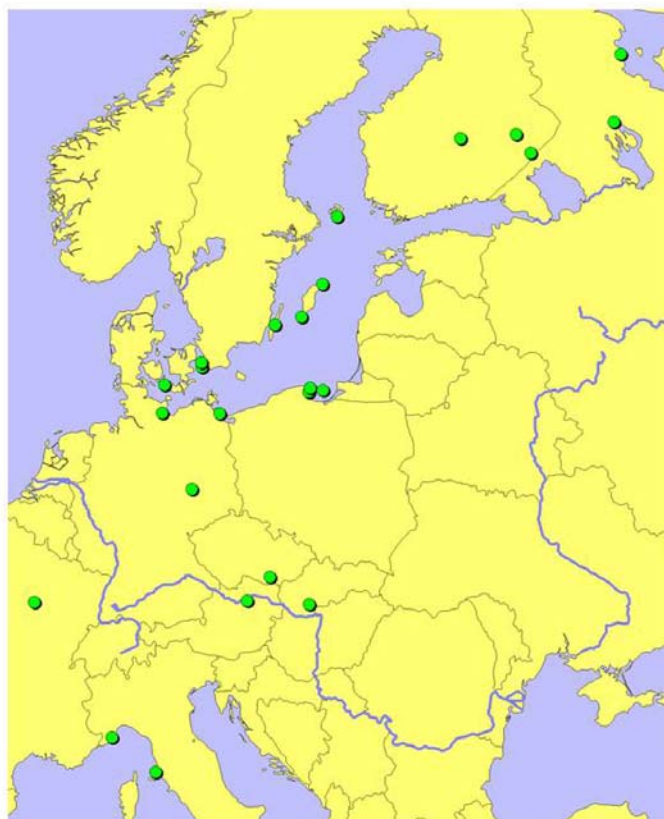

Рис.4. Места находок окольцованных бакланов-первогодков в период весенней миграции (1 марта – 5 апреля)

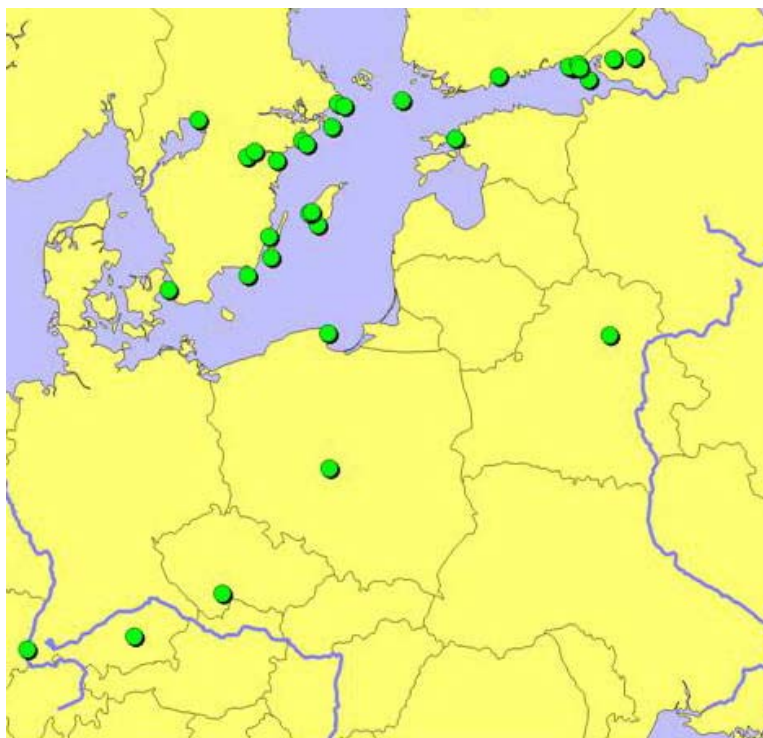

Рис.5. Места находок окольцованных бакланов-первогодков в гнездовой сезон (20 апреля – 10 июля)

В ноябре средняя скорость передвижений составила 11.9 км/сут. Самая дальняя ноябрьская находка окольцованной птицы получена из Греции, на удалении почти в 2500 км от места кольцевания, через 156 дней. Рекорд по дальности и скорости перемещений принадлежит баклану, добытому через 118 дней на расстоянии 2780 км на испанском острове Менорка, т.е. его средняя скорость перемещений составила 23.5 км/сут.

Третий этап миграционной активности у молодых птиц связан с весенними перемещениями к местам будущего гнездования. Он наступает позднее, чем у взрослых особей. Молодые бакланы, размножающиеся на первом году жизни, проводят летние месяцы на гнездовьях вместе с взрослыми, иногда далеко от родных колоний (рис. 4 и 5).

Предбрачные миграции бакланов с мест зимовок начинаются уже с конца марта (Volponi, Addis 2003), а массовый отлёт приходится на первую половину апреля (Нанкинов 2010), хотя некоторые молодые бакланы весь апрель остаются на местах зимовок в южной Европе. Самая южная апрельская находка окольцованного нами молодого большого баклана (16 апреля) относится к Тунису (табл. 2).

На Финском заливе большие бакланы появляются на гнездовых колониях сразу же после освобождения ото льда акватории вокруг островов, что происходит обычно во второй половине апреля. Таким образом, общая продолжительность предбрачной миграции бакланов составляет примерно 30-40 дней.

Литература

- Гагинская А.Р. 1995. Большой баклан *Phalacrocorax carbo* — гнездящийся вид Ленинградской области // *Рус. орнитол. журн.* 4, 3/4: 93-96.
- Коузов С.А. 2007. Большой баклан *Phalacrocorax carbo* на Кургальском полуострове: история вселения и особенности биологии // *Рус. орнитол. журн.* 16 (349): 339-365.
- Фетисов С.А. 2007. Большой баклан *Phalacrocorax carbo* – новый гнездящийся вид Псковской области // *Рус. орнитол. журн.* 16 (370): 1020-1027.
- Нанкинов Д.Н. 2010. Балканские зимовки неворобьиных птиц на Северо-Западе России // *Изучение динамики популяций мигрирующих птиц и тенденции их изменений на Северо-Западе России*. СПб., 8: 60-67.
- Volponi S., Addis P. 2003. Great Cormorants *Phalacrocorax carbo sinensis* in two key Italian wintering areas // *Vogelwelt* 124: 93-98.

Seasonal distribution of the great cormorant *Phalacrocorax carbo sinensis* from breeding colonies of the Russian part of the Gulf of Finland (according to ringing data)

A.R.Gaginskaya, A.L.Rychkova

The cormorants appeared for the first time in the Russian part of the Baltic Sea about 25 years ago, as a result of expansion to the East from western regions of the Baltic States. Nowadays they nest on the islands of the central and southern parts of the Gulf of Finland. The population size increases every year. The colonies earlier situated on the islands of Bolshoy Fiskar, Dolgy Rif, Kurgalsky Rif are widening. New islands are occupied. In 2006 a colony on the Severny Virgin island was found (120 nests). The most striking instant of cormorants breeding sites expansion is seen on Seskar island shoals. In 1995 there were only a few nests of young cormorants found on Chaikin island. In 2009 a colony of 1500 couples was observed on this island, as well as 400 nests on the adjacent Kurov island, 30 nests on Lodochny Island and about 100 nests on small nameless islands of the shallow waters. In 2006 a nesting colony of 25 nests appeared on Rondo Island, near Severny Berezovy Island.

According to our assessment, 5000 cormorant pairs are nesting in the Russian part of the gulf. About the same amount of impuberal birds not nesting yet is found in the colonies area during the breeding season. So, in the first half of summer inland cormorant number is assessed as 20000. In the second half of summer it increases to about 50000, as young birds emerge. There are no measures taken to control cormorants' number in the Leningrad Oblast.

As a result of the efforts of the Laboratory of Birds Ecology and Protection of the Biological and Soil Faculty of S.-Petersburg University, during the years 1995-2009 6245 cormorant nestlings were ringed (Table 1). There were 244 reports on ringed birds and rings found, 168 of them concern birdlings of the first year of life (Table 2).

Ringing data show three periods of migration activity in young cormorants during the first year of their life. The first period, the postfledging one, starts right after the transition to independent life, at the age of about two months. As a result of these movements, young cormorants leave nesting colonies and settle in places with a bigger food capacity (Fig. 1). Young cormorants begin to leave nesting colonies of the Finnish Gulf in the very end of July – beginning of August. As early as in the beginning of August one can see young birds on the Ladoga and Onega Lakes. According to reports on nestlings ringed in nests, post-nesting travel length can reach 60-700 km (Table 2).

Average velocity of young cormorant post-nesting travel in August is 5.25 km/day (0.32 – 17.6 km/day).

After period of partial moult there is a second stage of migration observed in young cormorants – autumn migration. Its timing differs a lot according to food and weather conditions and freezing onset. In September these movements begin to clearly trend westwards. During this period birds still can be seen in Russian water area near the nesting colonies, but most of the reports come from Finland, Estonia, Lithuania and – most of all – from Sweden. Single birds reach Germany and France during this period (Fig. 2). In October ringed cormorants were found on the seashore and in inland waters of Western Europe. Most of the reports belong to the states of the Baltic sea: Denmark ($n = 13$), Poland (8), Sweden (4); but some are located also in Germany, France and Spain. The farthest eastern points where ringed cormorants were found during autumn migration are situated in Switzerland and Czech Republic. In September and October migration velocity averages 9.34 km/day (3.7 – 27.1 km/day).

In November most of the birds reach their wintering area. During this period data on the birds ringed on the Gulf of Finland were received from Sweden ($n = 5$), Poland (4) and Germany (7) (Fig. 3). A cormorant wintering on ponds in Austria is a fact of interest. The observer who reported on the bird being on one and the same place was able to read the ring number. The bird was observed regularly starting from the beginning of February for a month. The last time it was seen was April 9, afterwards it migrated northwards. It seems that some birds can winter much farther to the south reaching Spain, Greece and even Northern African coast (3260 km far from the place of birth), as is evidenced by a ringed cormorant found in Liberia in February.

In November migration velocity averaged 11.9 km/day. The farthest ringed bird found in November was in Greece, almost 2500 km from the point of ringing and 156 days after ringing. The cormorant who set the record of migration length and velocity was found in 118 days 2780 km far – it reached Minorca Island in Spain, that is, its velocity averaged 23.5 km/day.

The third stage of young birds movements is related to spring migration to the points of future nesting (Fig. 4). It starts later than in adult birds. Young cormorants, not breeding during the first year of life, spend the summer months in the breeding sites together with adult birds, sometimes far from their native colonies (Fig. 5).

The pre-breeding migration of cormorants from their sites of wintering starts as early as the end of March, while most of the birds start their movement in the first half of April, although some of the young birds spend all the month on the sites of wintering in Southern Europe (Table 2). The most southern April bird (April 16) was found in Tunisia. The birds arrive to the Gulf of Finland nesting colonies right after the ice melting on the water area around the islands, as a rule, this is the second half of April. Thus, total pre-breeding migration is about 30-40 days long.

Малый перепелятник *Accipiter gularis* в Новосибирской области: в природе и зоологических коллекциях

В.С.Жуков¹⁾, Н.Н.Балацкий²⁾

¹⁾ Институт систематики и экологии животных СО РАН,
ул. Фрунзе, 11, Новосибирск, 630091, Россия. E-mail: vszhukov@ngs.ru

²⁾ Новосибирский государственный краеведческий музей,
Красный проспект, 23, Новосибирск, 630099, Россия. E-mail: balatsky@54.ru

Поступила в редакцию 14 декабря 2010

Поводом к написанию этого сообщения явилась встреча одним из авторов самца перепелятника в окрестностях Новосибирска. По всей видимости, это был самец именно малого перепелятника *Accipiter gularis* (Temminck et Schlegel, 1844), однако точное определение невозможно, т.к. птица не была поймана или добыта. Качество фотоснимков этой особи также не даёт полной уверенности в том, что это был именно *A. gularis*, а не *A. nisus*. Тем не менее, эта встреча побудила нас провести инвентаризацию всех известных сведений о малом перепелятнике в Новосибирской области. Кроме того, мы изучили доступный нам коллекционный материал в двух музеях Новосибирска.

В районе Новосибирска левобережье Оби относится к лесостепной зоне, а правобережье – к подзоне подтаёжных лесов лесной зоны. А.М.Гынгазов и С.П.Миловидов (1977) относят левобережье в районе Новосибирска к Ишимо-Барабинскому орнитогеографическому участку, а правобережье – к Бийскому.

Несмотря на то, что восточная граница гнездовой части ареала малого перепелятника вплотную подходит к Новосибирску и занимает некоторую часть северо-востока Новосибирской области (см.: Рябицев 2008), современных данных о малом перепелятнике с этой территории нет. Да и известные литературные сведения о малом перепелятнике из Новосибирской области крайне скудны. Так, ни в одном из 14 выпусков периодического сборника «Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири» (1995-2009 гг.), выходящего в Екатеринбурге под редакцией В.К.Рябицева, о малом перепелятнике из Новосибирской области никаких сведений нет. По-видимому, область гнездования его в этой части Новосибирской области нарисована исходя из имеющихся крайне скудных литературных данных, а также как соединение известных точек гнездования в Томской и Кемеровской областях. Таковыми являются следующие опубликованные сведения об этом виде.

Есть указание на то, что малый перепелятник летует на участке «тайга Обь-Иртышского водораздела» (без приведения конкретных мест и данных) и, по-видимому, гнездится на орнитогеографическом участке «Салаирская чернь» (Залесский, Залесский 1931). Он также указан в качестве гнездящегося на Салаире В.А.Хахловым (1937 – цит. по: Гынгазов, Миловидов 1977).

При составлении второго издания Красной книги Новосибирской области (2008) малый перепелятник был, к сожалению, выпущен из внимания и не включён в список видов. Следует включить его в следующее, третье издание Красной книги Новосибирской области, которое должно состояться примерно через 10 лет после второго. Статус малого перепелятника следует установить как недостаточно изученный вид, численность и состояние которого вызывает тревогу.

Наши наблюдения проведены в наукограде Кольцово, расположенном в 15 км восточнее Новосибирска и в 4 км от левого берега реки Иня (правый приток Оби). Перепелятник наблюдался 1 августа 2010 в 17 ч 40 мин местного времени. Он налетел с северо-запада на высоте около 20 м и на расстоянии около 80 м от наблюдателя и стал набирать высоту. При этом он смещался в южном направлении. Направление его полёта после набора высоты неизвестно, т.к. к этому времени он скрылся из вида. Птица была рассмотрена в 12-кратный бинокль, удалось сделать два фотоснимка. Судя по размерам, окраске и линьке оперения, это был взрослый самец. Хорошо была видна рыжеватая нижняя часть тела, что характерно именно для взрослых самцов как *A. nisus*, так и *A. gularis*. Цвет радужины глаз рассмотреть не удалось. При наблюдении за птицей осталось впечатление, что соотношение длины размаха крыльев к длине тела у неё несколько меньше, чем у *A. nisus*. В бинокль было видно (это видно также на фотографиях), что вершинная кромка первостепенных маховых перьев неровная. Это вызвано неравномерной линькой маховых, что в это время может наблюдаться лишь у взрослых особей, но не у сеголеток (по аналогии с характером линьки у перепелятника). У сеголетков все маховые, ещё в гнезде, отрастают одновременно, а первая линька маховых проходит на следующее лето. У взрослых перепелятников, как и у многих ястребиных, смена первостепенных маховых проходит летом после гнездования. Проходит она последовательно, с некоторым интервалом, начиная с 10-го и заканчивая 1-м (Дементьев 1951).

На снимках видно, что четыре первых первостепенных маховых нормальной длины, т.е. они, по-видимому, ещё старые, а далее по задней кромке крыла (там, где находятся вершины первостепенных маховых) виден резкий изгиб и пустое пространство, что связано с линькой. Видимо, следующее, т.е. 5-е маховое, выпало, а 6-10-е маховые новые. Возможно, 6-е и 7-е маховые ещё не достигли полной длины,

т.е. заканчивают стадию отрастания. У этой особи, возможно, линяют также и второстепенные маховые. Последние, по-видимому, как у многих видов, линяют в обратном направлении, т.е. от 1-го ко 2-му и т.д. (при общем счёте маховых – от 11-го махового к 12-му и т.д.). На снимке есть и признаки линьки рулевых перьев, которая тоже не наблюдается в это время у особей-сеголеток. Так, в хвосте имеется просвет в районе 3-го слева рулевого (если считать сверху, начиная с края), которое или выпало или ещё не доросло до полного размера. Примерно на такой же стадии линьки был добыт взрослый самец малого перепелятника 23 августа (год не указан) в окрестностях города Иман (ныне Дальнереченск) Приморского края. У этого самца часть рулевых и пять первых первостепенных маховых были старые, 6-е выпало, а 7-10-е были новые (Дементьев 1951).

Коллекционные тушки

Для Новосибирского государственного краеведческого музея (Балацкий 2010) указана только одна коллекционная тушка самца *A. gularis* из Кемеровской области (Горная Шория, река Мрассу, 20 июля 1926, коллектор В.Н.Троицкий). Сообщение об этом экземпляре опубликовано (Троицкий, Залесский 1928). В публикации сказано, что этот экземпляр добыт в тайге по левому берегу реки Мрассу. Кроме того, при просмотре перепелятников из коллекции этого краеведческого музея удалось обнаружить ещё одну коллекционную тушку *A. gularis* из Кемеровской области, которая ошибочно значилась как тушка *A. nisus*. В Зоологическом музее ИСиЭЖ СО РАН коллекционных тушек и оологического материала с территории Новосибирской области тоже нет. Однако мы решили изучить весь имеющийся коллекционный материал по этому виду вне зависимости от того, в каких регионах он собран. Так, в Зоологическом музее ИСиЭЖ СО РАН находится 3 коллекционных тушки *A. gularis*. Они коллектированы А.Г.Велижаниным летом 1968 года на Итурупе (Курильские острова).

Приведём краткое описание экземпляров малых перепелятников, хранящихся в двух зоологических коллекциях Новосибирска (см. таблицу). У всех 5 тушек конец 2-го пальца без когтя заходит за конец первой фаланги 3-го пальца, что является отличием этого вида от *A. nisus*, у которого конец 2-го пальца без когтя не заходит за конец первой фаланги 3-го пальца (Иванов, Штегман 1978). У всех 5 экземпляров 1-е первостепенное маховое имеет хорошо выраженные поперечные полоски, в отличие от короткопалого перепелятника *A. soloensis*, у которого это маховое не имеет поперечных полосок.

У малого перепелятника известно два подвида: *Accipiter gularis sibiricus* Stepanyan, 1959 и *Accipiter gularis gularis* Temminck et Schlegel, 1844 (Степанян 2003; Коблик и др. 2006). Первый подвид за-

нимает северо-западную и северную части ареала, а второй – южную и юго-восточную. Особи первого подвида крупнее особей второго.

Экземпляры, хранящиеся в Новосибирском государственном краеведческом музее (НГКМ) (*A. g. sibiricus*). Коллектированы в Кемеровской области (наша нумерация сквозная). Все промеры обоих музейных экземпляров *sibiricus* проведены авторами настоящего сообщения (см. таблицу). Промеры трёх музейных экземпляров *A. g. gularis* представлены в двух вариантах: они взяты с этикеток и часть из них (кроме размаха крыльев) проведена повторно авторами этого сообщения. Вторые промеры приведены в скобках. У всех экземпляров тёмные поперечные полосы на концах рулевых более широкие, чем остальные полосы на рулевых.

1) Инвентарный номер 7586. Взрослый самец *A. g. sibiricus*. Кемеровская область. Верх тела тёмно-серый, почти чёрный. Нижняя часть тела светло-буровато-охристая с относительно слабо выраженными размытыми поперечными узкими полосками. В области горла оперение повреждено, поэтому тонкая тёмная продольная полоска не просматривается. Маховые перья выглядят как свежие, кроме нескольких последних второстепенных, концы у которых несколько обтрёпаны. Все 12 рулевых на месте, большинство их выглядят как свежие, но часть из них более старые. На крайних рулевых (т.е. на 1-м и 12-м) перьях – по 8 тёмных поперечных полосок, при этом 8-я полоска почти сливается с концевой 9-й полоской, образуя как бы единую наиболее широкую 8-ю полосу. На 2-м и 11-м рулевых по 7 тёмных поперечных полосок. На остальных рулевых по 4 тёмных поперечных полосы. Нижние кроющие рулевых очень светлые, со слабым светло-охристым налётом. Ноги желтоватого цвета. Когти тёмно-бурые, почти чёрные, ближе к основаниям – более светлые, желтоватого оттенка. Клюв белёсый, кончик подклювья несколько темнее (возможно, клюв посветлел за время хранения).

2) Инвентарный номер 7591. Взрослая самка *A. g. sibiricus*. Кемеровская область. Верх тёмно-серый, голова немного темнее остальной части тела. Нижняя часть тела светлая, с частыми поперечными полосками буроватого цвета. На горле тонкая тёмная продольная полоска. Первостепенные маховые с 1-го по 5-е старые, а с 6-го по 10-е новые. Все 12 рулевых старые. На крайних рулевых (на 1-м и 12-м) по 8 тёмных полосок, при этом 8-я полоска почти сливается с концевой тёмной и наиболее широкой полоской, образуя единую 8-ю полосу. На остальных рулевых по 4 тёмных поперечных полосы. Нижние кроющие рулевых светлые, со слабым светло-охристым налётом. Ноги желтоватые. Когти тёмно-бурые, почти чёрные, ближе к основаниям более светлые. Клюв темно-бурый с посветлениями желтоватого оттенка к основанию.

Материалы по коллекционным тушкам малого перепелятника в музеях Новосибирска

Инвентарный номер	Место добычи, местобитание	Дата	Подвид	Возраст	Пол	Промеры, мм							Масса, г	Формула крыла	Примечание	Место хранения, музей
						Длина тела	Размах крыльев	Крыло	Хвост	Цевка	Клюв	Гонады				
7586	Кемеровская обл., тайга по левому берегу р. Мрассу	26.07.1926	<i>sibiricus</i>	Ad ♂	♂	~260	—	170	100	~ 50	Наши промеры: 9.4 (9.0)	—	4>3>5>2>6>7>8>9>10≈1	Коллектор В.Н.Троицкий	НГКМ	
7591	Хакасия, р. Щерла (приток р. Малый Абакан)	6.08.1928	<i>sibiricus</i>	Ad ♀	♀	~287	—	190	119	54-55	Наши промеры: 12.7 (11.1)	—	4>3>5>6=2>7>8>9>10>1	Коллектор В.Н.Троицкий	НГКМ	
4569	Курильские о-ва, Итуруп, окрест. Лесозаводска	10.08.1968	<i>gularis</i>	Ad ♀	♀	362	592	187	132	52.4	14 Наши промеры: 13.5 (11.7)	—	4>3=5>2>6>7>8>9>10≈1	Коллектор А.Г.Велижанин	ЗМ ИСи-ЭЖ СО РАН	
4568	Итуруп, окрест. Лесозаводска, тёмнохвойный лес	26.08.1968	<i>gularis</i>	Sad ♀	♀	310	607	190	132	52.4	12.1 Наши промеры: 12.5 (10.9)	—	—	На этикетке указано, что это ♂. Коллектор А.Г.Велижанин	ЗМ ИСи-ЭЖ СО РАН	
4570	Итуруп, окрест. Лесозаводска, тёмнохвойный лес	26.08.1968	<i>gularis</i>	Sad ♀	♀	321	627	193	136	54.2	12.3 Наши промеры: 12.0 (11.6)	—	4>3>5>2>6>7>8>9>10≈1	Коллектор А.Г.Велижанин	ЗМ ИСи-ЭЖ СО РАН	

Экземпляры, хранящиеся в Зоологическом музее Института систематики и экологии Сибирского отделения Российской Академии наук (ЗМ ИСиЭЖ СО РАН). Подвид *A. g. gularis*. Коллектированы на острове Итуруп (Курильские острова).

3) Инвентарный номер 4569. Взрослая самка *A. g. gularis*. Верх тела тёмно-серый, почти чёрный. Верх головы ещё более тёмный, чем остальная верхняя часть тела. Нижняя часть тела светлая, с частыми серыми поперечными полосками. В области горла перья повреждены, поэтому тонкая тёмная продольная полоска не просматривается. Первостепенные маховые с 1-го по 6-е выглядят более обношенными, чем с 7-го по 10-е. В правом крыле 2-е первостепенное маховое отсутствует. Первые (дистальные) второстепенные маховые выглядят более свежими, чем последние (проксимальные). Все 12 рулевых перьев на месте, но они имеют разную степень обношенности. На первом и последнем рулевых (т.е. на крайних) просматривается не менее 7 поперечных полос. На 2-м и 11-м рулевых – не менее 5 поперечных тёмных полосок. На остальных рулевых по 4 тёмные полоски. В основании рулевых просматривается 5-я полоса, наиболее узкая и наименее выраженная. Ноги желтоватого цвета, когти тёмно-бурые с очень слабыми осветлениями в основании. Клюв тёмный, сохранилось только надклювье. Нижние кроющие рулевых перьев почти чисто-белые.

4) Инвентарный номер 4568. Самка subad (сеголеток) *A. g. gularis*. На этикетке указано, что это самец subad, но, судя по размерам, это самка. Верх тела покрыт тёмно-бурыми контурными перьями, имеющими рыжевато-охристые каёмки. Верх головы несколько более тёмного, почти чёрного цвета. Между передней частью спины и головой проходит слабо выраженный рыжеватый ободок. Низ тела светлый, почти белый, с пятнами: ближе к груди они продольные каплевидные, ниже сердцевидные, а по бокам поперечные – более широкие и более редкие, чем у взрослого самца *A. g. sibiricus* № 7586. На горле тонкая тёмная продольная полоска. Маховые перья одинаково свежие. Рулевых перьев 10, т.к. центральная пара отсутствует. Они более или менее свежие. На первом и последнем рулевых (т.е. на крайних) не менее 7 поперечных полосок. На 2-м и 11-м рулевых по 5 поперечных тёмных полосок. На остальных рулевых по 4 тёмные поперечные полоски. Нижние кроющие рулевых перьев чисто-белые. На перьях бёдер сердцевидные пятна. Клюв чёрный, блестящий. Ноги желтоватые, когти чёрные.

5) Инвентарный номер 4570. Самка subad (сеголеток) *A. g. gularis*. Верх тела такой же, как у № 4568. Низ тела в основном такой же, что и у предыдущего экземпляра, только перья на бёдрах имеют не сердцевидные, а поперечные полоски. На горле тонкая тёмная продольная полоска. Рулевых 12. На первом и последнем рулевых (т.е. на крайних)

по 9 поперечных полосок. На 2-м и 11-м рулевых по 5 поперечных тёмных полосок. На остальных рулевых по 4 тёмных поперечных полосок, при этом в основании рулевых просматривается слабо выраженная 5-я полоска, она самая узкая из всех. Нижние кроющие рулевых перьев чисто-белые. Клюв чёрный блестящий, но основание подклювья желтоватое. Восковица тёмно-серая, почти чёрная (видимо, она изменила цвет во время хранения). Ноги желтоватые, когти чёрные, однотонные.

Итак, у некоторых экземпляров малого перепелятника восковица не жёлтая, а тёмно-серая, почти чёрная. Возможно, за время хранения она изменила свой цвет.

Яйца

В Новосибирском государственном краеведческом музее оологических материалов по малому перепелятнику нет. В оологической коллекции Е.П.Спангенберга, хранящейся в Зоологическом музее ИС и ЭЖ СО РАН (Новосибирск), находится кладка из 4 свежих яиц малого перепелятника (см. рисунок). Яйца в этой кладке имеют укороченно-яйцевидную форму, что характерно для оологических признаков данного вида. Окраска скорлупы яиц светлая, зеленовато-голубая с покрывающим на 10-25% поверхность яиц резко выраженным рисунком из ржаво-бурых мазков и бесформенных пятен. Рисунок сконцентрирован у трёх яиц на тупом конце, а у одного – на остром.

Кладка малого перепелятника *A. gularis gularis* (Temminck et Schlegel, 1844).
Приморский край, низовье реки Иман (Большая Уссурка). 4 июня 1938.
Коллектор Е.П.Спангенберг. Размеры яиц, мм (в скобках масса скорлупы, г):
(слева направо): 35.2×28.3 (1.16); 36.2×28.8 (1.19); 35.2×29.1 (1.21); 36.8×29.0 (1.21).

Близкая по количеству, форме и размерам яиц кладка малого перепелятника обнаружена Г.Н.Бачуриным (устн. сообщ.) 17 июня 2004 в Хасанском районе Южного Приморья. Гнездо располагалось на дубке в 6 м от земли и содержало 4 слабо насиженных яйца размерами

36.2×30.2; 36.2×30.2; 37.1×30.0; 37.1×30.0 мм. Для *A. g. gularis* средние размеры яиц (36.2×29.5 мм; $n = 8$) из приведённых кладок сходны с оологическими признаками этого же подвида из Китая, Японии и Кореи (Schönvetter 1961): 36.8×29.6 мм ($n = 30$).

В Сибири обитает более крупный подвид малого перепелятника – *A. g. sibiricus*. По материалам из Кузнецкого Алатау (Гуреев 2000), размеры яиц *sibiricus* несколько крупнее: 36.2-40.2×28.6-30.2, в среднем 38.2×29.6 мм ($n = 14$). Однако в целом яйца *A. gularis* обоих подвидов заметно уступают по величине яйцам *A. nisus*, имеющим размеры 39.0-43.2×31.6-35.2, в среднем 41.4×33.2 мм ($n = 32$).

Авторы благодарят В.В.Рябцева за консультации.

Литература

- Балацкий Н.Н. 2010. Орнитологическая коллекция Новосибирского Государственного краеведческого музея. [Электрон. ресурс]: http://www.balatsky.ru/home/NGKM_kol-aves.htm, свободный.
- Гынгазов А.М., Миловидов С.П. 1977. Орнитофауна Западно-Сибирской равнины. Томск: 1-350.
- Гуреев С.П. 2000. К экологии малого перепелятника (*Accipiter virgatus*) в Кузнецком Алатау // *Современные проблемы орнитологии Сибири и Центральной Азии*. Улан-Удэ: 158-161.
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы // *Птицы Советского Союза*. М., 1: 70-341.
- Залесский И.М., Залесский П.М. 1931. Птицы юго-западной Сибири // *Бюл. МОИП*. Отд. биол. 40, 3/4: 145-206.
- Иванов А.И., Штегман Б.К. 1978. *Краткий определитель птиц СССР*. Л.: 1-560.
- Красная книга Новосибирской области. Животные, растения и грибы*. 2008. Новосибирск: 1-528.
- Рябцев В.К. 2008. *Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири. Справочник-определитель*. Екатеринбург: 1-634.
- Троицкий В.Н., Залесский И.М. 1928. Некоторые данные к распространению птиц в Кузнецком Алатау // *Uragus* 7, 2: 1-6.
- Хахлов В.А. 1937. Кузнецкая степь и Салаир (Птицы). Ч. 1, 2. // *Учён. зап. Перм. пед. ин-та* 1: 1-243.
- Schönvetter M. 1961. Falconiformes // *Handbuch der Oologie*. Berlin, 3: 135-162.

О поведении среднего кроншнепа *Numenius phaeopus* в Северном Прикаспии в период весенней миграции

Ф.Ф.Карпов

Второе издание. Первая публикация в 2006*

О хорошо выраженном пролёте среднего кроншнепа *Numenius phaeopus* в Северном Прикаспии упоминают многие исследователи (Эверсман 1866; Бостанжогло 1911; Долгушин 1962). Пролёт отмечался во второй половине апреля – первой половине мая.

Наши наблюдения, проведённые в юго-восточной части северного побережья Каспия с 24 апреля по 8 мая 2006, в целом совпали со сроками миграции средних кроншнепов в этих местах. Была обследована территория от г. Атырау на восток до г. Маката. Ландшафт здесь представлен в основном глинистой пустыней, имеющей облик слабо увалистой равнины с многочисленными соровыми понижениями и солончаками. Растительный покров состоит главным образом из полыней *Artemisia*, однолетних и многолетних кустарничковых солянок *Salsola*. В период наших наблюдений было также много эфемеров и эфемероидов.

Кормовое поведение пролётных средних кроншнепов во время наших наблюдений заметно отличалось от поведения других видов куликов, мигрирующих в эти же сроки через рассматриваемую территорию. Более того, оно отличалось и от поведения средних кроншнепов на юго-западном берегу Каспия, в районе Талыша. Здесь, по данным А.Я.Тугаринова (1950), весной 1937 г. *N. phaeopus* летели транзитом, а отдельные стайки, остановившиеся на отдых, кормились на морском побережье, причём способы кормодобывания были очень пассивными.

Дело в том, что средние кроншнепы не пролетают Северный Прикаспий транзитом, а задерживаются здесь на какое-то время для пополнения своих энергетических ресурсов. О таком характере пролёта писал ещё В.Н.Бостанжогло (1911). Во время таких остановок поведение этих птиц подчинено определённом распорядку. Всё светлое время суток они проводят на кормёжке, рассредоточившись на огромном пространстве приморской равнины. На ночь птицы собираются на побережье в восточной части дельты Урала. Такие кормовые перелёты с морского побережья в песчаные дюны описаны для Белуджистана

* При публикации статьи в «Русском орнитологическом журнале» (2006, Т. 15, экспресс-выпуск 337) в качестве автора вместо Ф.Ф.Карпова ошибочно указан В.В.Хроков.

(Ticehurst 1927). Вылет на кормёжку происходит в то время, когда становится уже достаточно светло, т.е. около 6 ч 30 мин. Стаи кроншнепов, начав движение с побережья, по мере удаления от него (до 20-25 км) начинают постепенно распадаться на мелкие группы, пары и на одиночных птиц. Даже когда средние кроншнепы кормились стайкой из 3-15 особей, они отходили друг от друга на 10 м и более. Происходило это явно из-за низкой численности беспозвоночных, служащих объектами их питания. Это подтверждалось и при наших осмотрах мест кормёжки, особенно в холодную (<+10°C) погоду, иногда при дожде и ветре. Перелёт на ночёвку начинается за 1-1.5 ч до захода солнца и завершается в наступающих сумерках (19.00-21.00). Интересно отметить, что до захода солнца летящие стаи кроншнепов построены чаще всего косою линией или углом, а после захода последние птицы летели беспорядочно скученными стаями и заметно быстрее. Ещё один момент, который нам удалось проследить, — это то, что в холодный день кроншнепы почти на 1 ч раньше закончили кормёжку (18.20-20.30).

Как отмечалось выше, средние кроншнепы кормились всё светлое время суток. Мы ни разу не видели их отдыхающими днём, а также почти не встречали в дневное время у воды, на залитых ссорах, солончаках и на нагонных лужах на берегу Каспия, где в это же самое время в большом количестве держались другие виды куликов.

В местах кормёжки кроншнепов мы собрали экскременты, чтобы определить объекты питания. Разбор на месте 50 фекалий показал, что основную массу фрагментов, которые удалось распознать, составили остатки жуков. Проведённое Р.Х.Кадырбековым определение собранных фрагментов показало, что это были жужелицы *Acinopus striolatus* и *Harplophonus* sp. (Carabidae), а также чернотелки Tenebrionidae, по всей видимости, *Tenthyrina gigas* и *Anatolica* sp. В экскрементах оказалось и несколько фрагментов мокриц (Crustacea, Oniscoidea). Все эти беспозвоночные наиболее часто встречались при осмотрах мест кормёжки. Достаточно обычными были также пауки, муравьи, пяденицы Geometridae, листоеды Chrysomelidae. Судя по частоте клевков (до 30 раз/мин), кроншнепы склёвывали и этих беспозвоночных, но определить их по фрагментам в фекалиях было невозможно, поскольку их мягкие ткани быстро разрушались в пищеварительном тракте.

На первый взгляд, глинистая пустыня с её многочисленными голыми ссорами, казалось бы, мало подходит для кормёжки такой околоводной птицы, как средний кроншнеп. Тем не менее, огромное количество этих куликов издавна задерживаются в этих местах, прерывая миграцию для пополнения жировых резервов и, видимо, всегда находя здесь достаточно корма. Подобранная 25 апреля 2006 под проводами ЛЭП самка *N. phaeopus* была нормально упитанной. О численности останавливающихся средних кроншнепов можно судить по двум вечер-

ним учётам, проведённым 26 и 27 апреля 2006. Только в одной точке, удалённой от берега Каспия на 29 км, через 10-км линию (между вахтовым городком и заводом) за 2 ч пролетело: 26 апреля – 1575, 27 апреля – 1660 средних кроншнепов, возвращающихся с кормёжки. В стаях было от 2 до 70, в среднем 16.6 особей ($n = 194$). Кроме того, в каждом учёте отмечалось до 10 одиночных птиц. Стаи *N. phaeopus* в Северном Прикаспии в большинстве случаев состояли из птиц одного вида, лишь изредка к ним присоединялись небольшие группы турухтанов *Philomachus pugnax*. У отдельных пар *N. phaeopus* во время наших наблюдений регистрировались элементы токового поведения.

За определение беспозвоночных я искренне признателен Р.Х.Кадырбекову.

Литература

- Бостанжогло В.Н. 1911. Орнитологическая фауна Арало-Каспийских степей // *Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи*. Отд. зоол. **11**: 1-410.
- Долгушин И.А. 1962. Отряд Кулики – Limicolae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 40-245.
- Козлова Е.В. 1961. *Ржанкообразные*. М.; Л. (Фауна СССР. Т. 2, Вып. 1. Ч. 2).
- Тугаринов А.Я. 1950. Весенний пролёт птиц у берегов Талыша // *Сб. памяти акад. П.П.Сушкина*. Л.: 1-46.
- Эверсманн Э. 1866. *Естественная история Оренбургского края. Ч.3. Естественная история птиц Оренбургского края*. Казань.
- Ticehurst C.V. 1927. The birds of British Baluchistan // *J. Bombay Nat. Hist. Soc.* **31**: 862-881.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 633: 337-340

Устройство для быстрого осмотра птичьих гнёзд

М.С.Галишева

Городской детский экологический центр,
ул. Карла Либкнехта, д. 44-г, Екатеринбург, 620151, Россия. E-mail: galishev@mail.ru

Поступила в редакцию 15 февраля 2011

В последние годы всё чаще поднимается вопрос об уменьшении влияния исследований на птиц. Эта тема получила развитие на XIII Международной конференции орнитологов Северной Евразии. Термин «толерантная орнитология» подразумевает изучение птиц методами, обеспечивающими минимизацию «исследовательского пресса» на их сообщества (доклад В.М.Галушина и А.Б.Костина). Особенно жела-

тельно проявлять осторожность в гнездовой период, когда птицы наиболее уязвимы. Излишняя активность в районе гнезда (поиск, обследование) расклевывает его и делает доступным для хищников.

В рамках развития методов «толерантной орнитологии», применяемых в гнездовой период, предлагается использовать устройство для быстрого определения обитаемости гнёзд, стадии гнездования, успешности размножения как обычных, так и редких видов. Устройству мы дали условное название «Гнездоскоп». При его помощи можно быстро обследовать гнёзда, расположенные на деревьях и в других труднодоступных местах на высоте до 10 м. В течение 5-10 мин исследователь, оставаясь на месте, без особых физических усилий получает возможность «заглянуть» в гнездо и сделать фото- или видеозапись о его состоянии на текущий момент. Использование аппарата минимизирует время обследования, что с одной стороны уменьшает фактор беспокойства, а с другой – экономит энергию и время орнитолога. Помимо того, в арсенале исследователя появляются фото и видеоматериалы, которые можно анализировать в более комфортных условиях.

По сути «Гнездоскоп» представляет собой переносную систему видеонаблюдения, которая представлена миниатюрной WEB-камерой, прикреплённой к 10-метровой телескопической удочке и посредством USB-интерфейса соединённой с переносным компьютером. Чем меньше вес компьютера, тем легче управление данным устройством. В нашем случае применяется портативный наладонник «Samsung Q-1» весом 0.5 кг. Очень удобно, что у этой модели компьютера нет крышки, как у ноутбука, и есть приспособление (ремешок вдоль нижней стороны), удерживающее его на ладони, в связи с чем другая рука остаётся свободной. Питание камеры и связь с компьютером обеспечивается посредством USB-кабеля с усилителем, который не гасит сигнал на достаточно большом удалении от камеры. Стандартные USB-шнуры при длине более 3 м использовать невозможно, т.к. они полностью гасят сигнал от камеры. В то же время имеющиеся в продаже более дорогие USB-кабели с усилителем длиной 5 м можно легко соединять между собой, обеспечивая подъём камеры на высоту 10 м – длину обычной телескопической удочки. Последнее звено удочки приходится удалять, т.к. его излишняя тонкость является причиной сильных колебаний камеры, препятствующих её фиксации над гнездом.

Подбор камеры осуществляется в зависимости от задач исследования (качество записи, освещение). Из возможных вариантов нужно выбирать камеру минимального веса, что впоследствии будет способствовать ускорению её подъёма и фиксации над гнездом. Желательно, чтобы камера была с автоматической наводкой на фокус. Для упрощения процесса съёмки камеру необходимо прикрепить к металлическому кронштейну, которым может служить Г-образно согнутая сталь-

ная проволока диаметром 3-4 мм. К одному из концов этой проволоки жёстко крепится камера, к другому – последнее звено удочки. Закреплять и камеру, и кронштейн удобно при помощи обычной изолянты. Для транспортировки конструкцию можно разбирать: камеру с прикреплённым к ней кронштейном и мотком кабеля нести отдельно от удочки и от компьютера. Программное обеспечение, используемое для записи, обычно прилагается к камере при её покупке.

Возможно использование беспроводного соединения камеры с компьютером посредством WiFi. По нашему мнению, это менее надёжно. Во-первых, связь неустойчива, и часто в самый ответственный момент происходит её прерывание. Во-вторых, необходимо обеспечить питание камеры. Прикреплённые к камере батарейки увеличивают её вес, обеспечение питания с земли – это тот же шнур, от которого мы пытались уйти, плюс источник тока. В-третьих, USB-интерфейс обеспечивает возможность записи видеоизображения с бóльшим разрешением.

Применение данного аппарата имеет и ряд ограничений. Прежде всего, это излишняя густота кроны дерева. Ветки препятствуют подъёму камеры и обзору. Кроме того, при обнаружении в гнезде птенцов не всегда понятно их число. В таком случае необходимо подождать их перераспределения или сделать более длинную видеозапись. После вылета птенцов можно дополнительно проверить гнездо на предмет наличия «болтунов». Другое ограничение – необходимость подзарядки компьютера через 4-5 ч непрерывной работы. И, наконец, возможно, самое главное неудобство состоит в том, что для эффективного использования «Гнездоскопа» необходимо участие двух человек: один держит в руках и управляет удочкой с камерой, другой занимается компьютером – включает запись видео и фото. Лучше всего держать компьютер так, чтобы изображение видели оба исследователя.

Однако недостатки устройства полностью компенсируются положительным эффектом от его применения. Это сокращение до минимума времени беспокойства птиц при обследовании гнезда, исключение возможности разрушения гнезда или преждевременного вылета птенцов, повышение качества полученных материалов вследствие уменьшения воздействия на изучаемые объекты, моментальное получение фото- и видеоматериалов. Немаловажно и то, что экономятся время и силы исследователя, а значит повышается эффективность его работы. Несложно представить, сколько проблем вызывает обследование гнезда, расположенного всего в 7 м от земли на тонком дереве. Как минимум, это значительные затраты времени, как максимум – риск для здоровья без гарантированного результата. При использовании аппарата эта задача решается за 5 минут. Мы считаем, что орнитологические исследования должны быть толерантными, как по отношению к птицам, так и по отношению к человеку.

«Гнездоскоп» является логическим продолжением идеи зеркала на палке, претерпевшей трансформацию в направлении технического оснащения и компьютеризации. При его использовании особенно радует возможность совмещения эффективного решения научных задач с соблюдением природоохранной этики и идеями сбережения сил и здоровья исследователей.

Устройство было придумано и впервые использовано в 2008 году для упрощения исследования орнитофауны парков Екатеринбурга, которое проводилось автором совместно с учащимися Городского детского экологического центра. За три полевых сезона при помощи описываемого устройства велись наблюдения более чем за 120 гнёздами, принадлежащими 14 видам птиц, при этом каждое из гнёзд обследовалось не менее 3 раз. Необходимо отметить, что доля гнёзд, доступных для обследования, с применением аппарата возросла с 20 до 60%.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2011, Том 20, Экспресс-выпуск 633: 340-341

О пролёте пуночки *Plectrophenax nivalis* и лапландского подорожника *Calcarius lapponicus* в Архангельске и его пригородной зоне

В.А.Андреев

Поморский государственный университет,
пр. Ломоносова, 4, Архангельск, 163006, Россия. E-mail: vandreev@atnet.ru

Поступила в редакцию 25 февраля 2011

Пуночка *Plectrophenax nivalis* и лапландский подорожник *Calcarius lapponicus* в Архангельске и его пригородной зоне встречаются в основном во время весенних и осенних миграций. Причём пролёт весной обоих видов проходит более активно и заметно, чем осенью.

В начале XX века А.П.Чёрный (1905) отмечал весенний пролёт пуночки в окрестностях Архангельска в конце марта – начале апреля, осенний отлёт – в конце октября. В 1933 году В.Я.Паровщиков (1941) отмечал пролёт пуночек группами по 5-20 экз. в Архангельске и его окрестностях 4 апреля, а разрозненные группы по 2-3 экз., передвигающиеся по берегам Северной Двины, – 6 мая. Также к пролётным видам Архангельска он отнёс подорожника, однако в окрестностях города 1930-е годы отмечал его гнездование (Паровщиков 1941).

В течение последних 30 лет пуночку и подорожника мы встречали в Архангельске и пригородной зоне лишь на весеннем и осеннем пролёте. Весенний пролёт пуночки проходит в более ранние сроки, чем подорожника, а весь период пролёта более растянутый и составляет от 28 до 40 дней. Крайние даты весеннего пролёта пуночки – 22 марта 1984, 1991 и 11 мая 2002. Первые пуночки на весеннем пролёте появляются в среднем 4 апреля, последние – 6 мая. Весенний пролёт подорожника идёт в апреле-мае и длится 18-26 дней. Первых подорожников в весеннюю миграцию мы отмечали 18 апреля 1991 (в среднем 4 мая), последних – 27 мая 2009 (в среднем 22 мая).

Во время весенних миграций пуночки как правило летят небольшими стайками или группами по 3-10 особей. Редко встречаются стаи, содержащие 20 и более птиц. Пролёт идёт по берегам рукавов Северной Двины, открытым экосистемам: лугам, полям, сенокосным и пастбищным угодьям. Общее число зарегистрированных во время пролёта птиц достигало за сезон 620-1350 особей.

Лапландские подорожники чаще летят более крупными стаями, чем пуночки. Нередко их пролётные стайки насчитывают 10-30 птиц, изредка подорожники летят стаями по 60 и более особей. Во время весеннего пролёта подорожники, в отличие от пуночек, не избегают древесно-кустарниковых насаждений. Суммарное число зарегистрированных на весеннем пролёте в пригородной зоне птиц составляло за сезон до 10000-35000 особей.

Осенняя миграция пуночки проходит в основном в конце сентября и октябре. Однако самые поздние особи в осеннюю миграцию отмечены 6 ноября 2005, а последние птицы в осеннюю миграцию в разные годы фиксировались в среднем 23 октября. Осенняя миграция лапландского подорожника проходит в конце августа – сентябре. Последние птицы на осеннем пролёте зарегистрированы 29 сентября 2007. Осенний пролёт подорожника заканчивался в среднем 22 сентября.

Литература

- Паровщиков В.Я. (1941) 2009. Систематический список птиц города Архангельска и его окрестностей // *Рус. орнитол. журн.* **18** (477): 620-630.
- Чёрный А.П. 1905. Коллекция птиц Архангельского Городского Публичного Музея. Июнь 1904 // *Каталог Архангельского городского публичного музея.* Архангельск: 63-77.

Кукушки *Cuculus canorus* и *C. saturatus* и их хозяева на Западно-Сибирской равнине

С.С.Москвитин

Второе издание. Первая публикация в 1974*

Проанализировали 76 случаев нахождения яиц и птенцов обыкновенной кукушки *Cuculus canorus* у 15 видов хозяев и 3 случая подкладки яиц глухой кукушкой *Cuculus saturatus* 2 видам птиц в Томской, Новосибирской и Кемеровской областях в 1962-1971 годах.

В рассматриваемом регионе Западной Сибири встречается пять экологических рас обыкновенной кукушки и одна – глухой.

Наиболее многочисленна и повсеместно распространена раса *C. canorus*, откладывающая яйца типа дубровника *Emberiza aureola*. Такие яйца составили почти половину (20) из 43 найденных. Существует две вариации их окраски. Одна из них чрезвычайно сходна с окраской яиц дубровника, а другая заметно светлее и имеет размытый, «грязный» рисунок без извилистых линий. Широко также встречается раса «соловья-красношейки *Luscinia calliope*», которая по числу найденных яиц этого типа стоит вслед за «дубровничьим» (16 яиц).

Кукушки расы дубровника населяют главным образом открытые ландшафты и поэтому особенно многочисленны в поймах, тогда как расу красношейки с полным правом можно именовать «лесной». Кроме того, если раса дубровника, по всей вероятности, довольно полно обеспечена хозяевами за счёт многочисленных на гнездовье дубровника и черноголового чекана *Saxicola torquata*, то раса красношейки, видимо, испытывает нехватку характерных хозяев и поэтому вынуждена на данной территории подкладывать яйца более широкому кругу видов. Так, яйца типа дубровника были найдены, дополнительно к сказанному, лишь у полевого жаворонка *Alauda arvensis* и лесного конька *Anthus trivialis*, тогда как яйца типа красношейки были обнаружены, помимо красношейки, у белобровика *Turdus iliacus*, черноголового чекана, рябинника *Turdus pilaris*, чечевицы *Carpodacus erythrinus*, лесного конька и теньковки *Phylloscopus collybita*. Косвенным доказательством дефицита хозяев является и то, что яйца второго типа в большем числе случаев не соответствовали срокам откладки яиц хозяина. Это нередко приводило к гибели кукушонка от голода вследствие наличия в гнезде быстро развивающихся птенцов хозяина, которые затем поки-

* Москвитин С.С. 1974. Кукушки и их хозяева на Западно-Сибирской равнине // *Материалы 6-й Всесоюз. орнитол. конф.* М., 2: 88-90.

дали гнездо и родители сосредотачивали на них всё внимание. Несколько различна и длительность сроков откладки яиц у рас дубровника и красношейки в сторону увеличения этого периода у второй расы, что биологически целесообразно.

Раса кукушки, откладывающая яйца типа садовой камышевки *Acrocephalus dumetorum*, отмечалась только для территории Новосибирской и Кемеровской областей.

Большее число яиц и птенцов обыкновенной кукушки найдены у дубровника (25 случаев), черноголового чекана (18), белобровика (9), садовой камышевки (5), соловья-красношейки, рябинника и чечевицы (по 3), лесного конька (2); по одному разу – у полевого жаворонка, варакушки *Luscinia svecica*, теньковки и полевого воробья *Passer montanus*. Дополнительно в двух случаях были зарегистрированы слётки кукушки, которых кормили птицы из семейства славковых. Дважды взрослая кукушка назойливо подлетала к гнёздам обыкновенного соловья *Luscinia luscinia* и славки-завирушки *Sylvia curruca*, причём в гнезде первого в это время исчезло одно за другим два яйца.

Найденные 3 яйца глухой кукушки относились к «теньковочьему» типу. В двух случаях они были подложены теньковке, а в одном – трещотке *Phylloscopus sibilatrix*.

Приведённые данные дополняют существующие представления о распространении отдельных экологических рас кукушек и на 5 видов увеличивают список птиц-воспитателей птенцов кукушек на территории азиатской части СССР.

